

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Любохонская О.В. Философское измерение античной меры и скандинавского лагома // Философская мысль. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.5.69483 EDN: DHFXQD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69483

Философское измерение античной меры и скандинавского лагома

Любохонская Оксана Валерьевна

кандидат философских наук

Преподаватель. Кафедра Философско-исторических дисциплин, экономики и права. СПб ГБПОУ Академия управления городской средой, градостроительства и печати.

195273, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Руставели, 33

✉ gl.oksana2018@yandex.ru

[Статья из рубрики "Традиции и инновации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.69483

EDN:

DHFXQD

Дата направления статьи в редакцию:

30-12-2023

Аннотация: В статье исследуется вопрос о взаимоотношении двух понятий: античной меры и скандинавского лагома. Автор, с одной стороны, обращается к наследию древнегреческой философии (Сократу, Платону, Аристотелю) и пытается реконструировать основные смысловые характеристики античной меры, а с другой стороны, к историческому контексту возникновения понятия лагома и его значения. Раскрытие смыслового контекста данных понятий происходит через аспекты: онто-космологический, экзистенциально-антропологический и эстетический. Автор в философско-культурологическом ключе уделяет особое внимание выявлению сходства и различия смыслового наполнения данных терминов. Так же автор стремится понять какое место концепция лагома, применяемая для повседневного образа жизни может согласовываться с философской концепцией «заботы о себе» и быть гармонично в нее встроенной. В статье применяется метод компаративистики. Это позволяет уточнить взаимоотношение понятий меры и лагома, их границы и специфику. Автор приходит к выводу в отношении скандинавского лагома, что это понятие хотя и несет изначальную

понятийную нагрузку меры как предела бытия, но философская развертка его смыслового содержания практически отсутствует, то есть это понятие остается в контексте мифа. Экзистенциально-антропологический критерий показывает, что понятие лагома можно и нужно использовать в философии, особенно когда речь идет о философии повседневности, минимализма и эвдемонизма. Эстетическое измерение показывает как соотносятся понятия античной меры и скандинавского лагома, какова их основная специфика. Очевидно, что лагом – это самостоятельно развивающийся термин, обозначающий особый стиль повседневного образа жизни, заботы о себе и о мире, получивший широкое распространение в начале XXI века.

Ключевые слова:

мера, лагом, бытие, онтология, космология, антропология, эстетика, античность, скандинавский, миф

Наступившая эпоха требует пересмотра фундаментальных философских категорий и привносит в философию и культуру новую терминологию, которая претендует на универсальность своего собственного смыслового значения. Одним из таких понятий становится лагом (lagom). Этот термин пришел из шведского языка и получил в последнее время широкое распространение не только в культурологическом, семантико-лингвистическом, но и философском контекстах. Смысловое значение лагома охватывает определенную систему ценностей, формирующих особый «образ жизни», который сегодня популярен не только в Европе, но и в России.

Многие авторы – популяризаторы данной концепции указывают на древнескандинавское происхождение слова lagom, производя его от laget om, что обозначает групповое действие, когда викинги, образовав круг, передавали друг другу рог с медовухой. Они отпивали из него по глотку, таким образом, чтобы хватило всем [\[6, с. 20\]](#). Позднее, понятие лагом встраивается в законодательство скандинавских народов («lag» – «закон») [\[24, с. 24\]](#). Еще одним важным значением этого термина является понимание лагома, как умеренности или меры во всем, в соответствии с дословным переводом: «не слишком много, не слишком мало», «в самый раз», «достаточно» [\[3, с. 8\]](#), [\[6, с. 21\]](#). Таким образом, эти три фундаментальных значения слова «лагом»: общее действие, закон и мера, представляют нам данное понятие как способное породить цельную жизненную концепцию, формирующую новое мировоззрение или целую философию [\[9, с. 25\]](#).

Смысловой контекст термина «лагом», более всего близок древнегреческой категории меры (metron). Для того чтобы прояснить, можно ли в полной мере считать концепцию лагома философией, нужно провести сравнение этих двух понятий и выявить их структурное и смысловое наполнение. В данной статье сравнение понятий лагома и античной меры будет проводиться по следующим критериям – онто-космологическому, экзистенциально-антропологическому и эстетическому, с опорой на методы культур-философской компаративистики.

Онто-космологический критерий меры и лагома.

Экзистенциальное бегство древних греков от хаоса бессознательного привело к стремительному росту рационального философского древа из мифической подпочвы, поэтому онто-космологический критерий меры можно охарактеризовать как диалектический и мифо-философский. Диалектический критерий выступает сначала как

стихийно-диалектический, использующий образы тьмы и света, что характерно для орфиков и философии Гераклита. Затем, он трансформируется в рационально-диалектический критерий, для которого характерна борьба хаоса (стихийного, неупорядоченного и бессознательного начала) с космосом (упорядоченным и пронизанным Логосом началом) или столкновение небытия с бытием соответственно. Мера может выступать здесь как синтетическая категория, обеспечивающая диалектические переходы между вышеперечисленными противоположностями. Например, апейрон Анаксимандра можно трактовать не только как начало всего существующего, но и как то, что является мерой его бытия и небытия, потому что возникшим из беспредельного апейрона вещам суждена гибель в соответствии с определенным порядком возмещения взаимной задолженности с течением времени. Имплицитно меру можно обнаружить у Эмпедокла в его учении о «корнях вещей» и о движущих космос силах – Любви и Вражде, где первая соответствует единству бытия, а вторая, разрушает это единство и влечет мир к хаосу. Концепция меры-числа как первоосновы бытия присутствует у Пифагора, у Гераклита Логос выступает мерой и основой всего существующего, собирающей бытие в единство.

Самым показательным критерием важности меры для древнегреческой философской мысли является диалог Платона «Тимей». Если хаос является тем, к чему еще не прикоснулся бог-демиург [\[12, с. 511-512\]](#), то соразмеренность – основа миропорядка, образованного из взаимодействия стихий воздух, вода, огонь и земля [\[12, с. 513\]](#). Существование бытия полностью обусловлено диалектическим взаимодействием этих двух противоположностей хаоса и космоса. Бытие «держится» на балансе меры. Окончательное избавление бытия от хаотического компонента невозможно, так как это «родовая суть, которая рано или поздно даёт о себе знать, прорываясь через ограничения разумного порядка». [\[10, с.120-121\]](#). Мифопоэтическое описание мировых катастроф не предполагает полного изгнания хаоса, но оттесняет его «на периферию» [\[8, с. 151\]](#). Однако переизбыток хаоса и нарушение меры ставит бытие на грань его существования: «Всякая смесь, если она ни в какой степени не причастна мере и соразмеренности, неизбежно губит и свои составные части, и прежде всего самое себя. Ибо при таких обстоятельствах это не смесь, но какая-то беспорядочная масса, всегда приносящая беду ее обладателям» [\[14, с. 92\]](#). Получается, что мера обеспечивает взаимосвязь между хаосом и космосом, являясь самой главной скрепой существования мира. Пропорцией космической меры владеет лишь бог-Демииург, который видя, что мир идет к саморазрушению, что свойства беспорядка и неразумности начинают преобладать над порядком, вновь начинает создавать космос и упорядочивать его. «Соразмеренность всюду становится красотой и добродетелью» [\[14, с. 92\]](#), поэтому мера принадлежит вечности и является тем фундаментальным эйдосом, который находится в основании бытия. Космос (бытие) предполагает границу, хаос эту границу разрушает, будучи безграничным. Поэтому, мера является, границей космоса и хаоса, препятствуя чрезмерному распространению последнего, так как именно нарушение баланса меры между ними может привести сначала к победе хаоса, а затем к исчезновению бытия в небытии. Таким образом, Платон еще более рационализирует меру и «поднимает» ее до умозрительного образца всего существующего, открывая возможность для дальнейшей рационализации этой категории в трудах Аристотеля и Г.В.Ф. Гегеля.

Что касается лагома, то корневая основа данной концепции берет начало из скандинавской мифологии, а именно из мифа о возникновении мира. Речь идет о структуре мироздания, задаваемой древом предела – священным Иггдрасилем, который является первомерой всего существующего. Прорицательница-вельва говорит о девяти

корнях, из которых прорастают девять миров соответственно [15, с. 22]. Возникают эти вечные миры из хаоса [17]. В начале был «великий хаос: это не был ни песок, ни море, ни ветер, ни буря (...) земли не было, и сверху не было неба» [18]. Пророчица отсылает нас к небытию, где зарождается семя мировой меры (древа предела), которое оформится затем в девять миров. Срединный человеческий мир – Мидград существует в некоторой смеси пределов бытия и небытия, так как непосредственно взаимодействует с неупорядоченной областью мира Ётунхейм, где обитают великаны. Это совершенно дикая земля, которая «отдана на откуп стихиям и хаосу неукротенного мира» [15, с. 27].

Нечто похожее мы находим в древнегреческой орфической космологии: миропорядок возникает из хаоса, его первоисточником является Океан, в котором плавает мировое яйцо – прообраз бытия или космоса. В этом мировом яйце был зачат первый свет, персонифицируемый вышедшим из него божеством Фанесом Протагоном. После этого свет – Фанес образовал первую божественную пару с богиней ночи Нюкте (тьмой) и в этом союзе была обретена первая равновесная основа бытия, а существование мира стала очевидным свершившимся фактом. Фанес Протагон напоминает скандинавского великана Имира, который уже существовал до создания бытия и затем стал плотью, материей для творения девяти миров Иггдрасиля. Имир зародился в хаосе небытия, когда «только бездна зияла» [19]. Его возникновению предшествовали два первомира: огненный Муспельхейм и ледяной Нифльхейм. Получается, что первое живое существо уже содержало в себе две противоположности огня и льда, которые являются вечными стихийными началами и сохраняются, даже если погибнет мировое древо. Огонь здесь можно интерпретировать как первоизначальный хаос, так как это стихийное начало, способное уничтожить не только все, но и в конечном итоге самое себя. Чтобы этого не произошло, огонь должен уравниваться своей полной противоположностью, которая выступает в виде льда как его предела, т.е. предела хаоса. Лед – это стихия воды в своей оформленности, упорядоченности, способная остановить стихию огня или сдержать ее. Таким образом, мифический Имир – живое антропоморфное первотворение двух вечных первомиров: огня и льда, хаоса и порядка, небытия и бытия.

В скандинавской мифологии существование мира поддерживается мерой стихийного диалектического взаимодействия хаоса и порядка, аналогично тому, как это выстраивается в орфической мифологии. Однако, если в отношении античной меры четко выявляется философско- мифологическая парадигма онто-космологии, то в отношении скандинавского лагома, который хотя и несет изначальную понятийную нагрузку меры как предела бытия, философская развертка его смыслового содержания практически отсутствует, то есть это понятие остается в контексте мифа.

Мера и лагом в экзистенциально-антропологической перспективе

Космо-онтологический критерий меры переносится древнегреческими философами в антропологическую парадигму прежде всего с учетом ее рационализирующего начала. Недаром Платон вкладывает в уста Сократа слова: «Хочешь ты того или нет, тебе придется допустить, что ты мера» [15, с. 266]. Наличие у древнего грека страха перед поглощающей бездной и пустотой хаоса способствовало его неутолимому желанию поиска разумных оснований мира и существования человека, рождало невероятное по силе стремление к чистому «эйдосу» бытия, усматриваемому в свете разума. Из этого стремления рождалось понимание того, что я-есть – это способность измерить свое существование через несуществование: «Мера существующего или несуществующего есть каждый из нас» [15, с. 26]. Обнаружение себя в бытии и оказывалось, по словам М.

Хайдеггера «проекцией сущего на бытие» [\[23, с. 117\]](#).

Выше упоминался важный ритуал скандинавской традиции, когда викинги садились в круг и каждый, отпив из чаши с медовухой по глотку, передавал ее другому. Именно так происходило обнаружение себя *в круге непотаенного*, и тем самым определялась мера существования и не существования героя. Потому что если тебя нет в этом круге, то ты не существуешь для рода и племени, для бытия и для себя самого. Ты остаешься непроявленным для мира, не участвуешь во всеобщем действии (*laget om*), где каждому отводится его мера бытия. В скандинавских языках слово «вещь» (*ting*) одноименна с круговым собранием викингов, так же как немецкое «*ding*» можно связать со словом *ting* «то, о чем идет дело», то, что вынесено на общее собрание [\[4, с. 67\]](#), то и становится явным, действенным и существующим для всех. Круг непотаенности – это мера восприятия бытия, очерчивание того, что открывается им, мера отделения существующего от не существующего, дающая возможность ощутить пространство, где обнаруживает само себя бытие человека [\[23, с. 115\]](#). Открытие пространства бытия, как следствие, приводит к обнаружению истины ($\square\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$), которая есть выход из потаенного. Ключом, открывающим этот выход к истине, является как древнегреческая мера, так и скандинавский лагом.

Человек является носителем меры: «Мера – это ум и знание» [\[14, с. 94\]](#), потому что он существо разумное и сознательное. Мера дана человеку, вернее встроена в него *a priori*, т.к. является сущностной основой разума. Она же определяет в нем человеческое измерение настолько, насколько он способен к осознанности. Для самого человека мера проявляется в процессе самопознания, а вовне она выступает как разумность или разумная деятельность. Гармоничная открытость человеческого разума и вовлеченность в оба эти процесса способна привести к наивысшей ступени знания – мудрости. Поэтому Сократ произносит: «Мудрейший, и есть мера» [\[15, с. 281\]](#), есть сам Разум во всем своем наивысшем существовании, которое только возможно достичь в земной жизни. В этом кроется глобальное отличие сократовского понимания мудрости от протагоровской софистической декламации: «Человек мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют» [\[20, с. 72\]](#). Сократ указывает на то, что это разум должен со-измеряться в соответствии с данной ему свыше мерой, потому что она имеет божественное происхождение. Со-измерение разума – это движение оформления ума (энтелехия), [\[1, с. 247\]](#) согласное с мерой. Человек оформленного ума обретает благоразумие и умеренность. Ведь только со-измеренный с мерой разум способен достичь Блага, а значит постичь главную цель человеческой жизни – счастье. Тем самым, Сократ подводит своих учеников к признанию того, «что человек не знает главного». [\[4, с. 68\]](#). Прежде чем пользоваться мерой своего разума (разумностью), нужно познать самого себя. Именно самопознание приводит человека к определенной мере, при которой он может осмыслить свое существование так, как оно есть, а осмысляя его, человек проецирует себя на бытие окружающего мира. Таким образом, со-измерение – это естественный процесс, когда разум стремится к мере как неполная и тяготеющая к целому часть, только так человек становится человеком. Смысл слова чело-век можно проинтерпретировать как единство века – вечности и чела – разума. Мера принадлежит вечности, поэтому разум, со-измеряясь с ней, тоже должен стать вечным, а значит оформленным бессмертным эйдосом человека.

Тезис Протагора процитированный выше отрицает сократовский поиск полноты целостного себя и обращает не человека как такового [\[2, с. 157\]](#), а отдельно взятого индивида к внешнему измерению (познанию) вещей, обнаруживаемых в горизонте

существования: «Человек тут продолжается в вещах – делах и предметах, – которые попали в поле его притяжения» [\[23, с. 116\]](#), то есть обитает в круге непотаенного. Остальные же вещи, которым отказано в присутствии в этом круге «выпадают» в не существование. Главной проблемой протагоровского тезиса о человеке является его оторванность от понимания того, что мера есть процесс постижения человеческим разумом божественного начала. И потому, каждый взятый в отдельности разум, со-измеряя вещи с самим собой, может ошибиться.

Таким образом, сократовское понимание меры предстает перед нами как нечто тождественное разуму. Здесь не человек измеряет вещи, как в тезисе Протагора, а самопознание обусловлено вещью занятой раскрытием своей сущности. С одной стороны, «мы называем так же знание и чувственное восприятие мерою вещей» но, если бы их не было, мы бы не могли произвести процесс со-измерения своего знания с ними, то есть познание внешнего мира было бы невозможным. Аристотель высказывается о тезисе Протагора, как о ничего не содержащем, по сути. Это сродни утверждению, что человек есть знающее и чувствующее существо. Поэтому вещи скорее измеряются, чем их измеряют [\[1, с.255\]](#). Если следовать мысли Сократа, Платона и Аристотеля, то мера должна приводить к открытию Истины, которая и есть Благо. Наивысшая цель человеческого существования в том, чтобы «стремиться воспринять разумом подлинное бытие, возможно ненадолго, но познать и питаться «созерцанием истины» и блаженствовать [\[16, с. 156 d\]](#). Прежде нужно «знать истину относительно любой вещи», а потом со-измерять или определять все существующее в соответствие с этой истиной. В такой перспективе главное расхождение Сократа с релятивизмом Протагора заключается в том, что Истина для Сократа значимо существует, она есть цель всего [\[7, с. 699\]](#).

Еще одним смысловым совпадением античной меры и скандинавского лагома является поиск внутренней гармонии (ármonía), снятие внутренних противоречий. Когда человек «сам настроил свою жизнь как гармоничное созвучие слов и дел» [\[13, с. 278\]](#), осуществил поиск со-размерности между душой и телом: «Не возбуждать ни души в ущерб телу, ни тела в ущерб душе, но давать обеим сторонам связаться между собой, дабы они пребывали в равновесии и здравии» [\[14, с. 582\]](#). Это поиск «золотой середины» для собственной жизни. То же обнаруживается в современных интерпретациях понятия лагом. Концепция лагома предполагает выстраивание образа жизни, который ориентирован на гармонию, душевное равновесие и проявляется в повседневном вопрошании: «Что такое в моем понимании жизнь?» и «Что я могу сделать, чтобы чувствовать себя удовлетворенным и уравновешенным?». Подобные вопросы отсылают нас к переоценке жизни, пониманию того, что для нас действительно важно. Забота о себе здесь вполне сочетается со здоровым эгоизмом, что становится нормой современного общества. Лагом «ведет нас к тому идеальному месту, где мы сохраняем естественное здоровье разума, души и тела». [\[24, с. 64\]](#).

Лагом несет в себе сократовскую нагрузку поиска тождества меры и разума через согласие с самим собой и через форму заботы о себе, выражающуюся в том, чтобы познавать самого себя и поступать разумно. [\[22, с. 98\]](#). Если применять понятие лагома к внешнему окружающему миру, то оно полностью вписывается в протагоровский тезис и оценивается более релятивистски, чем объективно. Концепция лагома скорее прикладная и практическая. Она предлагает работу для человеческого сознания с опорой на «жизнь снаружи» в ее предметности, реализуя, прежде всего, заботу о внешнем мире, которая как следствие должна привести к внутренней заботе о себе.

Сократовский подход подразумевает обратное движение, предлагая оттолкнуться от заботы о себе, которая, как следствие, должна привести к заботе о внешнем мире. Если изначально категория древнегреческой меры разрабатывалась античными мыслителями в универсальном ключе, и только Протагор допускает софистически индивидуалистский крен, то скандинавский лагом в современной интерпретации разрабатывает индивидуалистический фокус жизни до мелочей.

Антропологичность эстетики

Одним из самых важных проявлений античной меры (соразмеренности) и скандинавского лагома является красота и гармония. Начиная с атомизма Демокрита, в древнегреческой эстетико-философской мысли происходит сдвиг в сторону принципа множественности, который подразумевает распад целого на части. Применительно к человеку речь идет об индивидуализации, «выделении внутренней симметрии» каждого отдельного субъекта. В индивидуализации слышится призыв к уединенному и безмолвному созерцанию красоты природы, к попытке гармонизировать человека и окружающий его мир. Мышление безусловно связано с внутренней гармонией души и если человек «теряет ум», то гармония нарушается [\[11, с. 508\]](#). Пребывая в созерцании и размышлении, можно получить удовольствие от прекрасного [\[11, с. 509\]](#).

Красота для древних греков - прежде всего совместимость и цельность, она содержит в себе совершенство, которое может характеризоваться ясным содержанием, жизнеутверждающей простотой, движением вечного и непрерывного мира (объединение разрозненных элементов). Даже диалектика хаоса и космоса или тела и разума для древнего грека не взаимоисключающая, а взаимодополняющая. В скандинавском лагоме присутствуют все вышеперечисленные характеристики красоты, но совместимость и цельность превращается в функциональность. В самом посыле красоты есть существенное отличие, которое наиболее ярко можно обнаружить в дизайне и архитектуре стран Скандинавии, связанное со стремлением к нейтральности и абстрактности, в противовес древнегреческой беспечности и игривости смешанной с трагичностью. Лагом как стиль жизни укоренён в повседневности, поэтому для него характерно стремление к нейтральности, а не к яркости и событийности. Лагом-дизайн должен уравнивать, успокаивать психику человека, дарить комфорт и уют. Жилье должно быть экологичным, лишенным стрессовых факторов, которые нас окружают, дающим чувство покоя, защиты и умеренности [\[24, с. 106\]](#).

Если у древних греков эстетика диалектична, то у скандинавов – минималистична (включает в себя простоту и функциональность). Это стремление к визуальному расширению пространства с использованием преимущественно светлых тонов, избеганием резких переходов в цветовой гамме (использование не более трех цветов) [\[21, с. 234\]](#) и в формах производимого товара. Это практичность, функциональность, свобода передвижения или перемещения вещи, рациональный расчет в приобретении со ставкой на долговечность и натуральность материала, из которого сделан товар. Простота, умеренность, пространство, функциональность – это главные составляющие принципа лагом. Эстетика становится главным фактором благополучия человека, так как влияет на эмоциональное и физическое здоровье человека.

Красота и гармония в современном мире полагает в себе еще и полезность, которая заключена в функциональности вещи, примером может быть дизайн стульев датского мастера Ханса Вегнера или архитектура и дизайн скандинавской школы функционалистов Пола Хеннингсена, Алвара Аалто и Арне Якобсена. Красота и

полезность были неразрывно связаны между собой, в том числе, и для древних греков. Для них «наслаждение создавалось не столько прекрасными видами окружающей природы или космоса, не столько восторгом в отношении каких-либо изящных или красивых форм», но более всего «жизненной целесообразностью этих предметов, их полезностью и нужностью для человека, совершенством и гармонией их построения» [\[11, с. 579-580\]](#).

Новоевропейская традиция долгое время характеризовалась борьбой человека с природой, задачей ее покорения силе человеческого разума. Концепция лагом выходит за рамки такой борьбы, возвращает человека к потерянному чувству единства с природой и жизнью как первообразами всего существующего. Аналогичный подход был присущ и эстетике древних греков. Современная скандинавская архитектура и дизайн не только функциональны, но и органичны. С одной стороны, это искусственный мир, но, с другой стороны, он гармонично встроен в мир природный, естественный. Такое искусство стремиться пропустить через себя природу и отразить ее, а не закрыться от природного мира толстыми стенами и непроницаемыми окнами.

В заключение можно сказать, что понятия античной меры и скандинавского лагома, безусловно, во многих значениях совпадают и взаимодействуют друг с другом, но каждое из них несет собственную специфическую смысловую нагрузку. Термин лагом можно и нужно использовать в философии, особенно когда речь идет о философии повседневности, философии минимализма и эвдемонизма. Очевидно также, что это самостоятельно развивающийся термин, который получил широкое распространение в начале XXI века. Его можно рассматривать и как дополнительное смысловое расширение самой категории античной меры (мета-термин) и как отдельную самостоятельную концепцию образа жизни современного человека, образа заботы о себе, потому что следуя выражению Клеобула из Линды «лучшее – это мера».

Библиография

1. Аристотель. Метафизика // Собрание соч.: В 4 т. М.: Наука. 1976. Т. 1. С. 63-368.
2. Асоян Ю.А. "Человек как мера" и "забота о себе" в интерпретациях М. Хайдеггера и В. Библихина // Вестник ПСТГУ . Серия IV. Педагогика. Психология. Вып. 57, 2020. С. 153-164.
3. Бергрэн С. Лагом: не много, не мало. Шведская философия золотой середины. Минск: Поппури. 2019. 320 с.
4. Библихин В.В. поиск своего в "Алкивиаде" Платона // Логос. №4 (83), 2011. С. 63-88.
5. Биркетт Т. Скандинавские мифы и легенды. Старшая Эдда. Прорицание вёльвы, 2. М.: Колибри. 2021. 320 с.
6. Бронс А. Лагом. Ничего лишнего. Как избавиться от всего, что мешает быть счастливым. М.: Издательство "Э". 2018. 224 с.
7. Волкова Н.П. «Мера всех вещей» Протагора как критерий истины. // ΣΧΟΛΗ. Vol. 13.2.2019. С. 696-704.
8. Гудимова С.А. Античность: человек, миф, космос // Вестник культурологии. №2, 2018. С. 149-162.
9. Карлсон Э. Лагом. Шведские секреты счастливой жизни. М.: Эксмо. 2021. 208 с.
10. Кулик А.В. Представление Платона о хаосе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. № 26(65). 2013. С. 119-126.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая школа. 1963. 583 с.
12. Платон. Тимей // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 495-588.
13. Платон. Лахет // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 268-294.

14. Платон. Государство. Кн.1 // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994, Т. 3. С. 97-494.
15. Платон. Теэтет // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192-274.
16. Платон. Федр // Платон. Собрание соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135-191.
17. Прорицание провидицы. Voluspa / Пер. С. Свириденко. URL: <https://norroen/info/src/edda/voluspa/rut.html> (дата обращения 25.11.2023)
18. Прорицание провидицы. Voluspa / Пер. М.М. Стасюлевича, 1864 // Извлечение из Старой Эдды XII ст. Волу-Спа 3. URL: <https://norroen/info/stc/voluspa/ru3> (дата обращения 26.11.2023).
19. Прорицание провидицы. Voluspa / Пер. В.Г. Тихомирова. URL: <https://norren/info/scr/edda/voluspa/rut/html> (дата обращения 25.11.2023)
20. Секст Эмпирик. Собрание соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 400 с.
21. Теплинская В.С. Философский Lagom и дизайн среды // VIII Международная научно-практическая конференция. Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. С. 233-236.
22. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1981-1982 году. СПбю: Наука. 677 с.
23. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. 1993. 446 с.
24. Экстрём Л. Lagom. Секрет шведского благополучия. М.: КоЛибри, Азбука Аттикус. 2021. 204 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается вопрос об отношении культурно-исторического образа «лагом» к философской категории меры. Автор стремится обосновать положение о том, что «мера» и «лагом» выполняют аналогичные функции в породивших их культурных традициях, и можно сказать, что эта задача решается в целом успешно. В статье содержится информация и собственные размышления автора, которые могут быть интересны для многих читателей, представленный текст свидетельствует об эрудиции автора и его способности анализировать трудные проблемы истории философии и культуры. Вместе с тем, знакомство со статьёй побуждает сделать некоторые критические замечания. Главным из них является предостережение относительно того, что не следует поспешно приписывать тому или иному концепту, порождённому в истории национальных культур, статус философского понятия. Можно согласиться с тем, что в качестве образов национальных культурно-исторических традиций «мера» и «лагом» выполняют близкие функции, но первый послужил основанием для возникновения величественной философской и научной традиции, оказавшей огромное влияние на развитие всей человеческой культуры, что и придаёт «мере» статус ключевого философского понятия, а из «лагом» не выросло пока ничего. Автор упоминает о том, что соответствующий термин «получил в последнее время широкое распространение не только в культурологическом, семантико-лингвистическом, но и философском контекстах», однако, можно ли на этом основании сопоставлять его с фундаментальной философской категорией, составляющей саму сердцевину рациональности? Далее, оригинальное содержание статьи состоит в рассмотрении «лагом», почему же тогда и в названии, да в значительной мере и в изложении на первый план выходит «мера»? Этой категории в отечественной философии посвящены многочисленные публикации историко-философского и философско-теоретического

характера, и вряд ли сегодня можно выявить какие-либо новые составляющие «меры» в ходе рассмотрения, в котором это понятие составляет лишь «фон» рассказа о другом концепте. Одним словом, следует скорректировать название, сфокусировав внимание читателя именно на «лагоме», и внести изменения в текст, исключив из него, в частности, общеизвестное историко-философское содержание, посвящённое категории меры. Некоторые высказывания автора носят слишком «решительный» характер, и они должны быть либо обоснованы, либо скорректированы. Так, уже в первом предложении читаем, что «наступившая эпоха требует пересмотра фундаментальных философских категорий». А откуда это следует? И, собственно, что удалось автору «пересмотреть» в отношении «меры»? Недоумение возникает и тогда, когда в заключительном абзаце замечаем, что «мера» и «лагом» не только во многом «совпадают» (с чем можно согласиться), но и «взаимодействуют друг с другом». Что значит «взаимодействуют»? Может быть, в подобном «взаимодействии» нуждается «лагом», но никак не «мера», которой не требуется никакое «дополнительное смысловое расширение», как утверждает автор. Завершилась сама философская традиция, в которой это понятие сформировалось, и оно, очевидно, уже не может «расширить» свой «смысл». Думается, автору следовало бы сохранять некоторую «консервативность» в отношении содержания истории философии и не принимать без достаточных оснований подобные утверждения тех или иных современных исследователей, даже если они становятся «философской модой». Наконец, в тексте осталось очень много пунктуационных ошибок, которые должны быть исправлены, например: «смысловой контекст термина «лагом», более всего близок...» (зачем запятая?); «затем, он трансформируется...» (то же самое); «тезис Протагора процитированный выше отрицает...» (почему не выделен причастный оборот?), и т.п. Однако, думается, большая часть этих замечаний может быть учтена автором в рабочем порядке, а некоторые, может быть, привлекут его внимание в процессе дальнейшей работы по избранной теме, рекомендуя принять статью к печати.